

Эдуард Голубев

Это было в Веморке

16+

Эдуард Голубев
Это было в Веморке

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Голубев Э. К.

Это было в Веморке / Э. К. Голубев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Действие происходит с 1936 года по 1940 в Германии, а далее до 1944 в Норвегии. Молодого немецкого ученого Лотара Логдэ направляют на завод Веморк в Норвегию, где он должен организовать производство тяжелой воды, требуемое нацистам для создания ядерной бомбы. В Берлине остается его возлюбленная Лиона. Все даты, военные и спортивные события, исторические данные соответствуют действительности.

Содержание

Глава 1. Знакомство	5
Глава 2. Весна в Берлине	7
Глава 3. Лиона	10
Глава 4. Олимпиада	13
Глава 5. Вопросы и ответы	20
Глава 6. Весна в Берлине (продолжение)	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1. Знакомство

– Да, Лотар, неприятная ситуация. Кстати, меня зовут Руво.

Первая половина фразы показалась ему разговором с самим собой, но вторая привела его в полное оцепенение. Еще не успев до конца понять, что произошло и сколько он был без сознания, этот необычный голос (какой-то детский, с легкой хрипотцой, но в то же время повзрослому спокойный) заставил его пропотеть полностью в доли секунды, так что испарина со лба залила широко открытые глаза и вызвала небольшую резкую боль.

Память довольно резко начала возвращать последние события. Суббота, 27 февраля 1943 года, ночь на воскресенье, коридор второго подземного этажа, едва слышный скрежет около двери складского помещения, вокруг ни души, приглушенный свет. Открыв дверь склада, Лотар не сделал и трех шагов, как произошел этот взрыв, а затем тяжелый удар и потеря сознания.

– Где я и что произошло?

– Ты там, куда пришел. На складе. Когда бахнуло, выход засыпало камнями, досталось и тебе. А отключился ты, по-вашему, часов на пять.

Вторая волна смеси страха и недоумения, к которой невозможно привыкнуть, снова сковала все тело Лотара. Кромешная тьма, странный голос и эта фраза «по-вашему», кроме трепета, его психическому состоянию не приносило ничего. «Наверно, в свои 26 лет я сошел с ума. Черт, как рано», – пролетела мысль от которой не становилось лучше.

– Повторяю, меня зовут Руво, и с тобой все в порядке.

– Черт побери, ты кто?

Страх Лотара затмила ярость и злость, которые по своей врожденной доброте он всегда пытался избегать, но только не в этот момент.

– Черт побери, я повторяю: ты кто и откуда ты меня знаешь?

– Ну, во-первых, успокойся, и я отвечу на все твои вопросы или почти на все. Поверь, времени будет предостаточно. Здесь, в Норвегии, нас называют «потерявшиеся дети», но чтобы было понятно, скажу проще, мы подземные люди, и заметь, ко мне спустился ты, а не наоборот. Давай, Лотар, не будем выяснять отношения. Это ни к чему. Некоторое время мы проведем здесь вместе, пока нас не освободят из этой ловушки, каждого со своей стороны. Уверен, в детстве тебе читали сказки про нас, и ты свято верил в наше существование, так что поверь и сейчас.

И ровным спокойным голосом, без всяких эмоций, Руво начал убаюкивающий рассказ о своем народе, и Лотару ничего не оставалось, как принять всё это.

– Несколько веков назад мы жили вместе с вами, так сказать, по соседству. Вы, в своих шумных селениях, а мы, под покровом природы в лесах и горах. Ваши короли часто обращались к нам узнать, что их ждет в будущем, называя нас провидцами. Сотни лет продолжалось это сотрудничество, пока у князей не появился страх перед тем, что они никак не могут влиять на будущее, а мы – единственные, кто это знали, и поэтому сразу стали для них врагами. От нас решили избавиться. Война был лишней, и мы ушли под землю, где нас не могли достать. Вот уже тысячу лет наш народ находится здесь, и в этом есть большой плюс. Люди не видят нас, а мы знаем о них всё.

– Видите будущее? Расскажи это кому-нибудь другому, – Лотар саркастически ухмыльнулся.

– А я и не сказал, что мы его видим, мы его чувствуем, как волк опасность. Звериный инстинкт у нас остался до сих пор, благодаря ему и существуем. Бывает, ошибаемся, но очень редко. Попытаюсь объяснить. Если сейчас услышишь мурлыканье, ты будешь уверен, что это кошка, и в большинстве случаев будешь прав, но, возможно, совершишь ошибку, так как это

может оказаться и белка, и кролик. Вот так, что касается будущего, можем заблуждаться и мы, но это больше исключение, чем правило. Я думаю, что для первого нашего общения тебе хватит этой информации. Обдумай услышанное и свыкайся с мыслью, что все это происходит действительно с тобой. Ладно, я устал и хочу спать, так что времени и тишины у тебя будет предостаточно переварить это. Об одном прошу, не мешай мне и не делай глупости.

– Спокойной ночи..., Руво, – в голосе Лотара был букет из смятения, усталости и отрешенности.

Глаза так и не привыкли к этой непроглядной тьме, но он почувствовал, как это «потерявшееся дитя» слегка улыбнулось. Прикрыв глаза, хоть это ничего не изменило визуально, но так гораздо легче было погрузиться в библиотеку своей памяти, Лотар начал доставать письменна воспоминаний.

Глава 2. Весна в Берлине

В 1940 году апрель полностью оправдывал свое название «согреваемый солнцем». Весь Берлин напоминал немецкого рекса, пригревшегося под теплотой лучей, а шум города был его урчанием. Война, казалось, где-то далеко, и берлинцы свято верили в легкую победу на всех фронтах, полностью поддерживая Гитлера в его стремлении вернуть Германии свое величие после «версальского» унижения.

Лотар Логдэ в черной мантии, как северный ворон с синим отливом, стоял на пороге церемониального зала Берлинской высшей технической школы. Радость вместе с волнением охватывала каждую клетку его тела. Он смотрел на происходящее вокруг, не думая ни о чем.

– Прошу всех занять свои места, – командный голос ректора Эрнста Сторма сбил с него всю эйфорию, и как первокурсник он послушно двинулся в зал с небольшой дрожью в коленях. Через несколько минут, когда все присели и воцарилась тишина, руководитель высшей школы тихим голосом начал свою речь:

– Я не хочу вас поздравлять, потому что вы еще ничего не сделали. Я поздравлю нашу профессуру с таким талантливым выпуском, как вы. Им есть чем гордиться. Делиться знаниями очень приятно, но в то же время больно, если они уходят в пустоту. Здесь я благодарен вам. Ни один из присутствующих в этом зале не принёс нам эту боль, и я верю, что вы оставите след не только в истории нашей школы, но и в истории Великой Германии. Именно сейчас она нуждается в вас как никто. Мы сделали настоящее, а ваша цель, сделать грандиозное будущее, и пусть каждый отдаст все силы для покорения этой вершины, чтобы потомки навсегда вписали ваши имена в манускрипты истории. Сейчас я смотрю на вас, и мое сердце может стореть от огня, который вижу в ваших глазах. Умоляю, не тушите его. Этот огонь – жизнь. Если он потухнет, останется лишь оболочка, пустая сущность из клеток, как обычное бревно, которое лежит годами у дороги без движения, поедаемое термитами. Да, в моих словах нет радости, потому что мне действительно очень грустно прощаться с вами. И хоть я делаю это каждый год, привыкнуть к этому невозможно. Но эта печаль, она прекрасна. Вы все видите, что наш фюрер сделал для нас всех. Вспомните свое детство и оглянитесь вокруг. Германия преобразилась из гадкого утенка в прекрасного лебедя. И это сотворил не волшебник, это сотворил Адольф Гитлер. Помните это и отдайте всё, не жалея ничего ради Великой Германии. Один народ, одна страна, один вождь! Да здравствует Гитлер!

Зал взорвался аплодисментами и все выпускники, как по команде, поднялись со своих мест. Речь ректора произвела глубокое впечатление, и овации продолжались несколько минут, постепенно утихая. Жестом руки Эрнст Сторм попросил тишину и продолжил:

– А сейчас мы перейдем к тому, зачем вы сюда пришли. Плоды вашего труда за годы учебы в стенах нашей Высшей школы уже созрели, и с огромным удовольствием я готов их раздать.

Началось вручение дипломов и Лотара опять охватило сильное волнение, что он даже не услышал, как назвали его имя и фамилию.

– Лотар Логдэ! – ректор чуть резче повторил приглашение. Сосед слева толкнул его в плечо и взглядом показал в сторону трибуны. Мгновенно поднявшись и направившись в сторону сцены, Лотара не покидала мысль, что он забыл кое-что сделать. Приближаясь к трибуне, он увидел, как за спиной Эрнста Сторма, его секретарь фрау Штерн правой рукой над головой показывала жестом, напоминая требуемое действие. Это была старая традиция, при которой выпускник, если он бакалавр, должен был перекинуть лирипип¹ с правой стороны на левую, что означало окончание учебы. «Фрау Штерн, что б я без вас делал. Большое спасибо», – мысленно

¹ Лирипип – кисточка на квадратной академической шапочке.

поблагодарил Лотар и на ходу перебросил кисточку практически перед самой трибуной. Глаза ректора улыбнулись, видя это секундное замешательство, но в остальном он не подал и вида.

– Я поздравляю вас с получением ученой степени бакалавра. Желаю всего наилучшего, – и тихим голосом, который слышал только Лотар, добавил, – я думаю, мы скоро встретимся. Будьте в Берлине.

Сдав мантию и шапочку (их выдавали в школе непосредственно на церемонию), он ещё раз полюбовался дипломом и аккуратно положил его в папку. Во дворе технической школы ему казалось, что даже солнце улыбается, как на поздравительных открытках, которые дарили в детстве на дни рождения. Выйдя на Шарлоттенбургское шоссе, названное в честь супруги короля Пруссии Фридриха I Софии Шарлотты Ганноверской, правда, в 1935 году переименованное в Восточно-западную ось, Лотар продолжил путь в сторону излюбленного места всех берлинцев. Это был парк Тиргартен. Через несколько десятков метров выйдя на мост через канал Ландвер, он остановился полюбоваться красотой каменного величия этого сооружения. Несмотря на небольшие для моста размеры, создавалось впечатление, что вокруг тебя площадь, так как его ширина была больше длины. Пройдя мимо колонн, Лотар направился к Шарлоттенбургским воротам, которые были жемчужиной одноименного моста и составляли с ним единое целое. Построенные в 1908 году в стиле необарокко, они противопоставляли себя более знаменитым Бранденбургским воротам, которые находились с восточной стороны Тиргартенского парка. Каждый раз, когда Логдэ проходил под ними, он чувствовал в себе прилив сил, энергии и вдохновения. Создавалось ощущение, что ты переходишь какую-то непонятную грань, которая заставляет творить.

Парк встретил его легким шелестом молодой листвы, а в спину бронзовым взглядом провожали пятиметровые статуи Фридриха I и Софии Шарлотты. Не преувеличивая, это был настоящий лес в центре города, и жители не без оснований называли этот парк «легкими» Берлина. Какой город еще мог похвастаться таким зеленым островом? Свернув на одну из лесистых аллей, Лотар направился к озеру Нойер. Там на берегу находилось его излюбленное место, где он постоянно проводил свободное время, наслаждаясь чистотой живой природы вокруг, а внутри себя освежающим вкусом шипучего пива *Berliner Weisse*². Это место носило очень простое название – «Кафе у озера Нойер». Но больше всего ему нравилось то, что за одним из столов в этом пивном саду когда-то, как он сейчас, отдыхал за широким стаканом эля сам Вернер фон Браун. Человек, которого он не знал лично, но уважение к нему не имело границ.

В 1934 году Вернер фон Браун стал самым молодым доктором технических наук в Германии, ему было всего 22 года и, в столь юном для ученого возрасте, он получил то, к чему многие научные головы идут всю жизнь, часто не доходя. Это была тщательно охраняемая лаборатория в 30 километрах к югу от Берлина под названием «Испытательная станция Вест», расположенная между двумя артиллерийскими полигонами Куммерсдорфа в редком сосновом бору провинции Бранденбург. Фюрер не оставлял без внимания и высоко ценил тех, кто мог создать оружие будущего, поэтому Вернеру фон Брауну был выдан патент на все ракетные разработки. Чем на данный момент занимался фон Браун, Лотар знал только по слухам, но прекрасно понимал, что однозначно это нечто великое, что заставит весь мир смотреть на Германию с почтением. Как же Логдэ хотел делать историю, как ее делает Вернер фон Браун!

Все эти мысли совершенно непринужденно сбила белка, прыгнув с одной ветки каштана на другую прямо над его головой. Подняв глаза вверх, он улыбнулся и подумал: «Этот день надо запомнить. 18 апреля. Суббота. 1940 год». Выйдя из пивного сада и направившись к одиноко стоящим лавочкам на берегу озера, он не поверил своим глазам. Почти четыре года Лотар не видел ее, и забыть эти прекрасные черты лица был не способен. Всё чаще думая, что больше никогда не увидит её среди четырёх миллионов жителей Берлина, но эта встреча произошла.

² Berliner Weisse – Берлинская белизна.

Случайно. «Точно этот день запомню на всю жизнь», – и чуть неуверенным голосом окликнул ее.

Он боялся, что ошибся, но обернулась ОНА. Сколько раз, представляя эту встречу, она всегда происходила по-разному, но картины с озером Нойер в этих вариациях не было.

– Лиона, здравствуй! Даже не знаю, с чего начать, – неуверенно сказал Лотар, чувствуя, как внутри все перевернулось.

– Привет! Я очень рада тебя видеть! – она ослепила его своей самой красивой в мире улыбкой и поднялась с лавочки навстречу ему, а ветер, словно желая подчеркнуть её красоту, легким дуновением немного растрепал светло-каштановые волосы и всколыхнул легкое белоснежное весеннее платье.

Глава 3. Лиона

Впервые они встретились, как казалось Лотару, уже в далеком 1936 году в середине июня, попав вместе в одну команду добровольцев-волонтеров при Национальном олимпийском комитете Германии. За подготовкой к Олимпийским играм очень пристально смотрело высшее руководство НСДАП, и поэтому проведение столь значимых соревнований должно было пройти не просто идеально, а более чем идеально. Такого размаха олимпийское движение еще не знало. Пройдя несколько жестких отборов в течение недели, Лиона и Лотар были определены в команды сопровождений, где впервые и увидел ее на репетиции. Если есть любовь с первого взгляда, то это была именно она. Это был тот самый редкий случай, когда выстрел Амура насквозь одновременно поразил оба сердца одной стрелой. Он всегда пытался найти ее глазами и очень злился, если не мог увидеть на этих, как ему казалось, бесконечных тренировках. Но только за то, что она находилась где-то рядом, Лотар был готов чеканить шаг еще полдня. Он чувствовал, что Лиона также тайком искала его взглядом, и в те короткие мгновения, когда их глаза встречались, Логдэ видел в них, как ему казалось, осуждение и грусть.

Утром 14 июня в олимпийский комплекс привезли тысячи новых костюмов для торжественной церемонии открытия XI Летних игр. При разгрузке, стоя в цепочке из волонтеров, они оказались рядом совершенно случайно, как казалось со стороны, но на самом деле поставил их на эти места тот самый магнит, который притягивал Клеопатру и Марка Антония, Джейн Эйр и Эдварда Рочестера, Шерлока Холмса и Ирен Адлер. Магнит, силу которого в истории человечества так никто и не смог сдержать. А те, кто всерьез думал, что это у них получилось, глубоко ошибались. То, что они принимали за магнит, на самом деле была обычная намагниченная стальная пластина, которая, как говорят физики, теряет свои свойства при отключении внешнего поля.

– Привет, меня зовут Лиона, – непринужденно с легкостью сказала она, повернувшись в очередной раз к нему и протянув руки, принимая следующую упаковку костюмов. Конечно, конечно, Лотар знал, как ее зовут. Еще он знал, что она принимает участие в группе, которая встречает и сопровождает иностранные делегации, прибывающие в Берлин со всего мира. Как же хотелось узнать о ней больше!

– Очень приятно. Меня зовут Лотар, – он смущенно ответил и по игриво моргнувшим серо-зеленым глазам понял, что его имя для нее тоже не было новостью. Она, как бы невзначай, принимая следующий пакет с одеждой, коснулась его руки ладонью и непонятный, но очень приятный разряд пробежал по всему телу Логдэ. Мгновенно подняв глаза, он успел поймать ее взгляд. В нем опять была печаль. Теперь ему не казалось.

Через сорок минут был объявлен перерыв на полчаса, и Лотар предложил провести его вместе в одной из беседок. Предложение было принято, чему он несказанно обрадовался. Он не знал, с чего начать этот долгожданный разговор и лишь спросил, как и зачем Лиона пошла в волонтеры Олимпиады. Где-то в глубине души он проклинал себя за этот вопрос, будто его задал следователь, но на тот момент это было просто искрой для начала беседы.

– В 27-м году, когда мне было 10 лет, мои родители решили, что занятия спортом будут очень полезны для меня, так как была маленькой и хрупкой девочкой. Отец дал мне право самой выбирать, чем я хочу заниматься. Мне очень нравилась верховая езда, но для нашей семьи это было дорогое удовольствие. И совершенно случайно я увидела в спортивном зале тренировку фехтовальщиц. Мне, маленькой девочке, тогда понравилось всё. Эта белоснежная форма, рапира, эти движения, эта молниеносная реакция, эта гибкость, эти выпады. Отец всеми руками был за и не забуду, как после одного из занятий по фехтованию, купив мне мороженое, он сказал: «Сегодня, Лиона, ты полностью оправдала свое имя. Ты была тем маленьким гордым львенком, который не подпускал к себе никого, кто пытался его ужалить. И с грацией

кошки ты жалила сама. Доченька, я горжусь тобой!». Затем он поднял меня над собой и прокрутил в воздухе вокруг себя несколько раз. Я очень любила своего отца.

Она задумалась на несколько секунд, посмотрела на идеально чистое небо, и продолжила:

– Тренер постоянно ставил нам в пример Хелену Майер, которая за год до этого стала чемпионом Германии в 15-летнем возрасте, а на Олимпийских играх 1928 года и вовсе взяла золото. И тогда участие на Олимпиаде стало моей на тот момент заветной мечтой. Но в 1931 году скоропостижно умер отец, и мне пришлось искать работу, чтобы мы с мамой как-то сводили концы с концами. О фехтовании уже не было и речи. Я устроилась на кухню напротив своего дома помощником кондитера, и мое детство закончилось в 14 лет. Когда узнала, что проводят набор волонтеров на Олимпиаду в Берлине, моя детская мечта проснулась и я решила, что хоть таким способом буду участвовать в ней. Как плакала, когда мне отказали без всяких веских причин. Но я догадывалась, что дело в социальном положении моей семьи. Лотар, как было больно. Целый день я просидела в своей комнате на кровати, поджав под себя ноги и уткнувшись головой в колени, вспоминая подруг из нашей фехтовальной команды. Ты не поверишь, но я услышала в своей голове голос отца: «Маленький гордый Львенок не сдастся». Вся депрессия исчезла за секунды и уже через сорок минут я открывала двери, которые не видели меня пять лет. Фехтовальный зал абсолютно не изменился за это время, и с порога я увидела своего тренера, общающегося (я не могла поверить своим глазам) с Хеленой Майер. Он очень рад был меня видеть и даже пошутил, сказав, что если бы не семейные трудности, то сегодня у женской сборной Германии по фехтованию был бы другой капитан, кивнув на меня. Вот так, Лотар, я познакомилась с кумиром детства. Они выслушали меня, и Хелена очень уверенно сказала, что это не проблема. И действительно, на следующий день меня зачислили в волонтеры Олимпиады. Я думаю, что ответила на твой вопрос, но свой задать не успею, по моему, перерыв закончился.

Действительно, все начали собираться. Никогда до этого время не пролетало для него так быстро, как эти полчаса. «Да, беседы не получилось, но я готов был слушать её еще, еще и еще, – думал Лотар. – Ее отец прав, она – Львенок». Больше в этот день они не виделись, как и в следующие две недели. Лиона уехала встречать очередную делегацию, а он до вечера отрабатывал проход по беговой дорожке новой гордости Берлина – Олимпийского стадиона, торжественное открытие которого должно было состояться 1 августа 1936 года. Также сегодня Логдэ узнал и свою миссию в этом празднике спорта. Он будет нести табличку с названием одной из команд-участниц во время церемонии открытия и закрытия Олимпийских игр. Как окажется позже, это будет сборная Венгрии.

В эти дни олимпийский комплекс напоминал муравейник, в котором каждая группа предельно четко выполняла свои функции и поставленные задачи, а с высоты птичьего полета всё казалось полнейшим хаосом. Место под него было заложено в 1912 году, когда Берлин получил право провести VI Летние Олимпийские игры, но они были отменены через два года из-за начала Первой мировой войны. Гитлер стремился показать всему миру, как бы этого не хотели, превосходство арийской нации. Всё, что делают немцы, всегда должно быть лучше, мощнее, красивее. Любую неудачу фюрер воспринимал как собственное поражение и тот размах, с каким воздвигался олимпийский комплекс, полностью показывал его амбиции. В центре «Олимпиапарка», точно как император, непоколебимый и великий, заняло свое место 100-тысячное поле битвы – красавец «Олимпиаштадион». На севере сверху, словно корона расположился плавательный бассейн, где 18 тысяч пар глаз под открытым небом могли наблюдать за состязанием лучших пловцов мира. Также олимпийский парк пополнился хоккейным и конным стадионами. Западная часть комплекса, Майское поле и дальше на запад «Открытый театр Дитриха Экарта», построенный в древнегреческом стиле, уже мало имели отношение к спорту и созданы были для идеологического воспитания германского народа. Но, правда, надо заметить, что игры не прошли мимо них – олимпийские соревнования по гимнастике

проходили в этом современном амфитеатре. А на севере «Олимпиапарк» граничил с Немецким спортивным форумом. Это был комплекс зданий в виде подковы, который являлся организационным штабом и этим летом стал для Лотара практически вторым домом. Весь Берлин, да что там весь Берлин, вся Германия с предвкушением ожидала начало состязаний, и он ловил себя на мысли, что во всей этой царящей эйфории вспоминал о Лионе только вечерами, когда уставшая, но довольная собой столица расстилала постель и, успокаиваясь, крепко засыпала после тяжелого дня.

Глава 4. Олимпиада

Наступила долгожданная суббота 1 августа 1936 года. Лотар прекрасно понимал, он всего лишь маленький винтик в этом сложном механизме, но мысль о том, что какую-то пару минут он будет на виду у 100-тысячной толпы, вызывала дрожь в коленях. Сотни раз он проходил эти четыреста метров наяву и десятки раз во сне, что вполне мог вслепую отчеканить всю дистанцию. Но волнение не делало ни одной попытки исчезнуть и Логдэ, стоя перед входом в кипящую и заполненную до краев чашу стадиона, не обращал внимания, как табличку с надписью «Венгрия» постоянно перекалывал из руки в руку. Его беспокойство заметил венгерский знаменосец и, аккуратно подойдя к нему, сказал на довольно неплохом немецком: «Друг, успокойся, всё будет хорошо. Я верю, ты принесешь нам удачу».

На стадион начала выходить сборная Турции, вслед за которой должна была следовать команда Венгрии. Лотар, после сказанных ему слов, взял себя в руки и пристально смотрел на одного из организаторов шествия, который давал команду на старт. Увидев сигнал, он кивнул и довольно спокойно сделал первый шаг, будучи теперь абсолютно уверенным, что все пройдет на отлично. Поворачивая на беговые дорожки, почувствовал это мощнейшее давление толпы и не мог даже себе представить, как многие спортсмены умеют сохранять спокойствие под таким натиском. «Воистину железные люди с сердцем из титана», – подумал Логдэ, и резко вздрогнул от поднявшегося шума трибун. Сначала он не понял причину этого гула и последовавших за ним аплодисментов, но, бросив взгляд на ближайшую трибуну, увидел десятки трепыхающихся флажков с крестами Св. Георгия, Св. Андрея и Св. Патрика. Сразу стало все понятно, на «Олимпиаштадион» после Уругвая выходили потомки рыцарей круглого стола. Заканчивала представительное появление сборных хозяйка этого праздника команда Германии. Весь стадион поднялся со своих мест и поднял под сорок пять градусов правую руку с распрямленной ладонью, приветствуя своих героев. Когда выход национальных команд закончился и все заняли свои места на футбольном поле, к микрофону подошел Адольф Гитлер. Стадион погрузился в тишину, которая у некоторых людей может вызывать трепет, а для кого-то и вовсе быть пыткой.

– Объявляю одиннадцатые Олимпийские игры в Берлине, игры новой эры, открытыми!

Стадион взорвался аплодисментами, стоя наблюдая, как поднимается огромный олимпийский флаг и в небо взлетают тысячи белых голубей как символ дружбы всех стран и народов, как знак времени, когда прекращаются все войны и политические разногласия. Через минуту на центральных ступенях, ведущих к беговым дорожкам, появился Фриц Шильген, который заканчивал первую и ставшую в будущем традицией современных игр эстафету олимпийского огня. Зажженный 20 июля в Олимпии, факел прошел 3 075 километров через всю Юго-Восточную Европу: Афины, Дельфы, Софию, Белград, Будапешт, Вену и Прагу. Первого августа в 11 часов 42 минуты его встретили в Берлине.

В полном безмолвии Фриц Шильген бежал к чаше олимпийского огня и, непринужденно поднявшись к ней, повернулся к зрителям, вытянув факел в приветствие, которое узнавали уже во всем мире. Он был именно тем идеальным арийцем, являвшим собой чистоту германцев по представлению национал-социалистов. Через несколько секунд над стадионом светилось пламя Олимпиады, которое подарит миру две недели полных слез радости и разочарований, две недели ожиданий и волнений, две недели бьющихся в унисон тысяч сердец.

Первый день соревнований закончился, и Лотар, психологически выжатый как лимон, уставшей походкой вышел из здания Спортивного форума, наслаждаясь вечерней прохладой августовского заката.

– Привет! – этот голос он запомнил уже на всю оставшуюся жизнь.

Обернувшись, в свете заходящего солнца он увидел её, и вся сегодняшняя усталость исчезла, как колода карт в руках фокусника.

– Здравствуй, Лиона! Очень рад встретить тебя! Как дела?

– У меня все хорошо, а вот ты сегодня очень переживал. Я стояла у входа на стадион, метрах в тридцати от тебя, и всё видела. Мне очень хотелось подойти к тебе, как-то подбодрить, но я побоялась, что сделаю еще хуже.

– Как ты могла такое подумать? Ты не создана делать хуже, – ответил Лотар, тут же поймав себя на мысли, что она права. Действительно, зная, что Лиона рядом, он бы волновался ещё больше.

– Но ты молодец, ты собрался и прошел лучше всех! А что тебе сказал венгр? Я видела, как он подошел к тебе.

– Ой, что-то насчет удачи, я уже точно не помню.

– Но, значит, на тот момент это были нужные слова. Как хорошо, что есть такие люди, которые всегда могут поддержать в такой момент даже незнакомого им человека.

– Лиона, разреши проводить тебя? – с надеждой спросил Лотар, но по её взору понял, что вопрос был неуместен. Он уже хотел извиниться и набрал в легкие воздуха, как она ответила:

– Мне очень надо домой, я действительно спешу. У меня болеет мама, и мне сейчас не до променадов. Мы обязательно с тобой еще поговорим, и будем видеться. Мы же друзья.

Они встретились взглядами. Друзья так друг на друга не смотрят. И снова Лотар уловил в ее глазах печаль и вину. Они как бы извинялись перед ним, и он ничего не мог понять, но знал только одно, что рано или поздно ему все откроется.

– Рада была тебя видеть, мне надо бежать. Желаю удачи.

– И тебе только удачи, Лиона! – пожелал он и еще долго задумчиво смотрел ей вслед, а солнце к этому моменту уже желало всем спокойной ночи.

Теперь они виделись каждый вечер, так как в конце дня их собирали в Спортивном форуме для разбора полетов и анонсировали задачи на следующие сутки, но их общение между собой в основном сводилось к банальным «привет» и «как дела». Логдэ чувствовал, что она сдерживает себя и поэтому не хотел напрягать её, форсируя события. А спортивные арены Берлина в эти дни пылали от накала нешуточной борьбы за каждый сантиметр длины и высоты, за каждую сотую долю секунды, за каждый грамм чемпионского веса, за каждый точный удар по воротам соперника.

Вечером четвертого августа, покидая здание форума, он встретил Лиону, которая ждала его на улице и с непринужденной приветливой улыбкой подошла к нему.

– Привет, Лотар! Помнишь, я тебе рассказывала о Хелене Майер, чемпионке, которая помогла мне?

– Конечно, кстати, здравствуй, – ответил он и про себя подумал: «Не то, что помню, я благодарен ей очень. Ведь без нее не встретил бы тебя».

– Вот и хорошо. Сейчас на собрании услышала, твоя группа завтра будет находиться в Форуме. А что завтра будет в Форуме? – игриво спросила она.

– Львенок. Можно я буду тебя так называть?

– Конечно, мне будет очень приятно.

– Честно сказать, я прослушал, думал о другом.

– Или о другой? – и встретив его осуждающий взгляд, сразу добавила, – я пошутила. Но все равно очень интересно, о чем ты думал.

– Да ничего существенного, – соврать у него не получилось, стесняясь сказать, что, когда они находятся рядом, он думает только о ней. Заглянув ему в глаза, Лиона все поняла и кротко улыбнулась.

– Так вот, завтра здесь будут проходить финальные соревнования среди фехтовальщиц. Давай вместе посмотрим и будем болеть за Хелену.

– Конечно, я подойду, – в его голосе была нескрываемая радость. Он хотел увидеть Хелену Майер, но еще больше он хотел быть вместе с ней.

– Вот и замечательно, тогда договорились. Извини, мне надо бежать, до завтра!

В который раз он провожал ее взглядом, и в который раз она растворилась, как дымка над водой в вечерней прохладе.

Наступило завтра. Перед началом соревнований он с огромным интересом узнавал у Лионы всё о правилах и нюансах фехтования, а она, в свою очередь, очень живо и с большим желанием проводила этот экскурс. Как приятно было её слушать! Лотар узнал, чем рапира отличается от шпаги и был очень удивлен, что все команды во время поединка судья отдает на французском языке. Насколько красиво она их проговаривала, а затем, также по-французски произнесла фразу. Увидев вопросительный взгляд, она рассмеялась и легко потрепала его волосы.

– Извини, но ты не видел сейчас свое лицо. Ты смотрел на меня, как будто я по веревке спустилась с луны. Эти слова принадлежат великому Мольеру и они стали девизом – «Фехтование – это искусство наносить удары, не получая их взамен». Понимаешь, чтобы победить, ты должен заставить оружие дышать вместе с собой. Рапира – это не какая-то острая палка, это продолжение твоего тела, твоей души.

– Ты молодец, Лиона. После твоей яркой лекции я начал смотреть на фехтование совсем иначе. Раньше считал, что поединки на шпагах не больше чем пережитки прошлого, но ты открыла мне другую сторону... прекрасную сторону этого вида спорта. Слушая тебя, я понял одно, фехтование плачет по тебе.

– Спасибо, – в её голосе было удовлетворение и гордость, что она сумела произвести на него впечатление своим рассказом. И как бы в подтверждение этому Лотар продолжил:

– Я всё понял. Рапира перестала быть продолжением твоего тела, но осталась продолжением твоей души. Без шуток, ты сейчас меня поразила.

В финальную стадию соревнований попали восемь спортсменов, которые, чтобы выявить чемпиона, должны провести поединки между собой. Победителем поединка считается та, кто первая сделает пять точных уколов, а чемпионом становится, соответственно, у кого будет больше побед в семи поединках. При равенстве будет считаться количество точных уколов в финальной стадии.

Как сказала Лиона, сегодня небо рухнет вниз, а рапиры будут раскалены докрасна, и была права. Три чемпионки, три самых сильных фехтовальщицы мира, три непримиримых соперницы будут бороться за звание лучшей из лучших. Непобедимая последние два года Илона Элек из Венгрии, олимпийская чемпионка 1932 года в Лос-Анджелесе австрийка Эллен Прайс и та, которая для одного маленького человечка стала кумиром, Хелена Майер. Логдэ никогда не думал, как завораживают поединки фехтовальщиц. Он не мог оторвать взгляд от происходящего на дорожке. Лиона иногда поглядывала на него и была счастлива, видя, как он полностью внутренне окунулся в этот водоворот событий.

Первый свой поединок Хелена Майер проводила с Эллен Прайс. Две олимпийские чемпионки заставили молчать всех вокруг, выдав до предела напряженный и захватывающий бой. Как жаль, но кто-то должен был проиграть. Хелена уступила со счетом 5:4, но следующие пять встреч она выиграла практически вчистую. А Прайс неожиданно для всех споткнулась, проиграв немке Хедвиг Хасс, которая не хватала звезд с небес, но всегда считалась крепким орешком, со счетом 5:4. Второе поражение Эллен Прайс получила от Илоны Элек, и табло показывало 5:3. Но всех удивила Хедвиг Хасс, справившись и с Илоной. Перед последним поединком этого вечера между харизматичной Хеленой Майер и очаровательной венгеркой Илоной Элек еще ничего не было ясно. У каждой из них было 5 побед и одна неудача. А закончившие сорев-

нования Эллен Прайс и Хедвиг Хасс имели в своем активе пять побед против двух поражений, но по количеству точных уколов Прайс была впереди.

Когда Хелена и Илона вышли на дорожку, от царившего напряжения в зале казалось, что вылетят стекла из окон. Лиона правой рукой взяла его ладонь и, не замечая этого, сдвинула со всей силы. Поединок начался более чем непредсказуемо. Илона Элек с присущей ей скоростью и грацией легко повела в счете 4:0. При таком положении Хелена не могла претендовать даже на бронзу. На лице Лионы появились слезы, которые очень быстро начало сушить возрождавшееся сияние в ее глазах. 4:1? 4:2?! 4:3!! 4:4!!! Действительно, можно было сойти с ума. Кто сделает последний укол? В тот момент на этот вопрос не ответил бы никто во всей вселенной. Лотар посмотрел на Лиону и увидел, что она закрыла глаза.

– А друа! – прорезала зал команда судьи и Лиона, не подняв веки, всё поняла. Эта команда обозначала, что укол присуждается фехтовальщице, находящейся справа от судьи. Справа была Илона Элек. Новый олимпийский чемпион. Хелена стала серебряной, а Эллен Прайс взяла бронзу.

Спустя некоторое время, когда все немного успокоилось, хотя заряд этого финала продолжал гулять по телу, он подошел к Лионе, и с благодарностью сказал, что ещё никогда не испытывал такую гамму ощущений и это был прекрасный спектакль, где нет проигравших, где есть только победители. А уже вечером, пожелав удачи, она опять растворилась в тени деревьев.

Лотар полюбил футбол в девятилетнем возрасте, когда старший брат приводил его на матчи чемпионата Германии с участием берлинской «Герты». Атмосфера, царящая на стадионе, просто завораживала, и ему маленькому всегда нравилось, как после очередной победы взрослые мужчины, радуясь, превращались в детей, скидывая с себя пальто из десятков лет с полными карманами проблем и невзгод. Уже тогда было понятно, эта игра завоюет сердца миллионов. Четыре сезона кряду начиная с 1926 года «Герта» доходила до финала чемпионата Германии и проигрывала. Но самое обидное поражение было в 1927 году, так как финал проходил в Берлине и «Герта» уступила ФК «Нюрнберг» на глазах у своих преданных болельщиков, пропустив два безответных гола. «Капля камень точит», – сказал пару тысячелетий назад римский поэт Овидий и был абсолютно прав. В 1930 году «Герта» в пятый раз подряд дошла до финала чемпионата Германии и, наконец-то, вершина была покорена в тяжелейшем матче, где не было место для компромиссов, против «Хольштайна» со счетом 5:4. На следующий год берлинцы повторили свой успех, победив, опять не без труда, одноименную команду из Мюнхена, ответив на два пропущенных тремя забитыми мячами. После реорганизации чемпионата Германии «Герта» добивалась успехов только на локальном уровне, у себя в лиге «Берлин – Бранденбург».

Когда Лотар смог достать билет на четвертьфинал Олимпийских игр по футболу, где Германии противостояли викинги из Норвегии, его радости не было предела. Матч должен был состояться 7 августа 1936 года на поле «Постштадиона», а красавец «Олимпиаштадион» принимал только полуфиналы и финал. Наступил долгожданный день, и Логдэ не мог найти себе места, предвкушая, как ему казалось, легкую победу немцев. В половину шестого вечера британский арбитр Артур Бартон дал свисток к началу матча, и ликующая толпа взорвалась таким ревом, что он не слышал собственного голоса. Трибуны «Постштадиона» еще никогда в жизни не испытывали такой нагрузки. Они впервые держали на своих плечах 55 тысяч зрителей, среди которых, как объявили перед матчем, были Джозеф Геббельс, Герман Геринг, Рудольф Гесс и сам Адольф Гитлер. Фюрер не любил футбол, потому что он не мог гарантировать победу Германии. Здесь нельзя подогнать результат с помощью различных манипуляций, так как футбольная команда это очень тонкий инструмент, состоящий из одиннадцати струн, каждая из которых особенная и не похожая на остальные, со своим характером и харизмой. А задача

тренера настроить их так, чтобы при ударе по ним прозвучал аккорд, который не будет резать слух, а наоборот, захочется слушать его еще, еще и еще. Но уже на седьмой минуте норвежцы вылили ушат ледяной воды на головы немецких болельщиков, заставив стадион умолкнуть. Полузащитник викингов Магнар Исаксен завершил быструю контратаку своей команды хорошим и плотным ударом, заставив в полной тишине шевелиться сетку ворот сборной Германии. От шока немцы оправились очень быстро и, взяв под полный контроль круглого, начали массивно штурмовать норвежскую цитадель. Но грамотно и, главное, эффективно защищаться у северян было в крови. Сколько раз их предки, проигрывая противнику в численности, выдерживали напор, а потом разбивали в пух и прах. В количестве бойцов на поле был, конечно, паритет, но в мастерстве немцы были предпочтительней. И в этом ритме подошел к концу первый тайм. На трибунах бурно обсуждали события последних 45 минут, и только ленивый не делал свой прогноз на второй тайм. Никто из немецких болельщиков не догадывался, что главный тренер норвежцев Асбьорн Халворсен в своем роде опередил время. Обладая завидной тактической проницательностью, он предугадывал каждый ход своего оппонента и, прекрасно понимая, что на классе он не сможет соперничать с Германией, подвел свою команду к самому пику физической формы накануне матча. Также Халворсен полностью поддерживал формулу «отца» всех немецких тренеров, как его назовут в будущем, Рихарда Гирулатиса, ставшую девизом: «Для победы на поле должно быть 11 друзей».

Второй тайм начался, и зрители безудержно гнали своих любимцев вперед. Атака за атакой катилась на редуты северян и затихала при входе в штрафную площадь. Это напоминало, как бурлящие волны Северного моря превращались в штиль, заходя в норвежские фьорды. Где-то с семидесятой минуты Лотар заметил, что каждый рывок немецких игроков становился все тяжелее, и атакующая динамика сборной Германии явно снижала обороты. Силы терялись на глазах, и подтверждением этому были струи пота, катившиеся по всему телу футболистов. Норвегия, словно мангуст, вымотала противника и, почувствовав его усталость, начала готовиться к решающему удару, отодвинув игру ближе к центру поля. Долго ждать не пришлось. На 83-й минуте все та же «десятка» Магнар Исаксен заставил вратаря немцев Ганса Якоба снова вытаскивать мяч из сетки, оформив дубль. Это конец. Разочарованию не было предела, и, как позже узнал Лотар, сразу после второго гола Гитлер в гневе покинул стадион. Он не любил футбол, а футбол не любил его.

Вы когда-нибудь видели реку из 55 тысяч человек? Медленно вытекая из чаши стадиона в полном безмолвии, она производила очень удручающее впечатление. Никому и в голову не приходила мысль что-то сказать. Все шли, опустив головы, смотря себе под ноги, и понимали, что сегодня они не просто бесславно проиграли. Это было унижение гордости каждого из них, это было посрамление всей нации. Спустя сорок лет тренер «Ливерпуля» Билл Шенкли скажет: «Многие люди полагают, что футбол – это вопрос жизни и смерти. Я очень расстроен такой трактовкой этого вопроса. На самом деле футбол гораздо, гораздо важнее».

Лотар провел в молчании весь остаток дня, сильно переживая за сегодняшнее поражение и проклиная норвежцев. Если бы он знал, что это было далеко не последнее знакомство с ними... Хотя в глубине души понимал, что виной была слишком высокая самооценка или, наоборот, недооценка противника и полная уверенность в легкой победе.

А Олимпиада продолжала свое шествие по Берлину. Все сильнее, все выше, все быстрее. Германия уверенно лидировала по количеству завоеванных медалей, и все иностранные журналисты в унисон расхваливали организацию и масштабность этих игр. Действительно, до этого мир не видел ничего подобного. Более сорока радиовещательных компаний вели свои репортажи во все уголки мира. Впервые в истории была применена телевизионная трансляция, для просмотра которой в Берлине оборудовали 25 специальных кинозалов и по два в Лейпциге

и Потсдаме. Пятнадцать иконоскопов³ было установлено на «Олимпиаштадионе» и в плавательном бассейне. Теперь зрители могли видеть пловцов не только сверху, но и под водой. А через два года миру был представлен документальный фильм Лени Рифеншталь «Олимпия», удостоенный призом за лучший фильм на Венецианском международном кинофестивале.

Неумолимо приближалось 16 августа, день закрытия Олимпийских игр. Лотар боялся этого дня, боялся того, что Лиона опять растворится в наступающих сумерках и навсегда исчезнет из его жизни. Нет, сегодня он не даст ей просто уйти. Он обязательно дождет ее у выхода из Спортивного форума и поведаст о своих чувствах. Он так решил. Он не отпустит ее. Он так думал.

Церемония закрытия также была проведена с размахом и показательной мощью Германии. Но Логдэ уже не испытывал ту эйфорию, которая была при открытии. Накопившаяся усталость за эти два месяца давала о себе знать, притупляя чувства. Вполне возможно, что и не только усталость, но и переживания по поводу предстоящего разговора с Лионой не повышали уровень серотонина, так называемого гормона радости, в организме Лотара. Он не знал, чем закончится их встреча. Как сказал Альфред де Мюссе: «Неизвестность – самая мучительная из всех пыток». Единственное, что он точно ведал, они обязательно поговорят, и обязательно сегодня вечером.

Берлин прощался с Олимпиадой красиво и величественно. Корона из 32 столпов света, исходящая от «Олимпиаштадиона» и взлетевшая в темное небо, создавала впечатление рождения новой звезды. А постепенно угасающий олимпийский огонь на фоне этих лучей наводил грусть и, в конце концов, затух, как бы говоря словами Шекспира: «Ничто не вечно под луной». Пока все наслаждались этим незабываемым зрелищем, к Лотару сбоку подошел знаменосец венгерской сборной и, не отрывая взгляда от светового представления, негромко сказал:

– Я редко ошибаюсь, и ты действительно принес нам удачу. Мы стали третьими на этой Олимпиаде, и для нас это грандиозный успех. Я видел тебя на финале по фехтованию, где, может, ты и не хотел, но принес удачу нашей Илоне Элек. С тобой была девушка. Поверь мне, она любит тебя.

И так же бесшумно, венгр вернулся назад. Его слова придали ему веру, но отнюдь не уверенность. Печаль в глазах Лионы, которую он иногда ловил в её взгляде, рождала сомнения. Он хотел верить, что это связано с состоянием ее матери, но где-то в глубине чувствовал, что здесь кроется другое, и не в его пользу. В конце концов, все становится явным. Абсолютно все.

В Спортивном форуме царил веселая и оживленная атмосфера. Представители национального олимпийского комитета, собрав всех в большом зале, благодарили за проделанную работу в организации и успешном проведении Олимпиады. Также волонтеры были приятно удивлены, узнав, что все они награждены памятной медалью. Как-никак, а тоже Олимпийская медаль. Толпа шумела, шутила, и везде было слышно, как кто-то обязательно рассказывал о каком-нибудь веселом случае на играх. В этой суматохе Лотар потерял Лиону из вида и поспешил на улицу. Встав сбоку от парадного входа, он неотрывно смотрел на выходящих из здания людей, боясь пропустить ее. Прошло минут двадцать, и Логдэ уже начал бояться, что она проскочила раньше, чем он занял этот пост.

Тут появилась Лиона. Быстрой, в то же время легкой походкой она выпорхнула из дверей, резко остановилась и начала смотреть по сторонам. Лотар сделал шаг из своего укрытия, и она, повернув голову в его сторону, посмотрела на него, а затем быстро отвела взгляд. Он ничего не понял. Создалось впечатление, что он мешает, а она не хочет его видеть. Постояв еще пару-тройку секунд, Лиона, все той же воздушной походкой направилась в другую сторону. Он увидел, что на её пути встал парень, вышедший из тени ясеня. По знакам отличия было видно, что это гауптшарфюрер СС, а по осанке и внешности угадывался выпускник «Школы

³ Иконоскоп – предшественник телевизионной камеры.

Адольфа Гитлера». Он выглядел старше Лионы, и Лотару очень хотелось, чтоб это оказался ее старший брат или другой родственник. Сделав пару шагов навстречу Лионе, он поймал её за талию, поднял и прокрутил в воздухе вокруг себя. Затем мягко поставил на землю и, взяв ее руки в свои, нежно поцеловал. Теперь он стоял спиной, а через его плечо Лиона смотрела на Лотара. Это был удар. Удар, после которого люди уходят в себя, теряя веру в лучшие чувства и превращаясь просто в механизмы. Кто-то, как хороший боксер, отходит от пропущенного удара и способен вернуть в свою жизнь эту гамму ощущений через определенное время, а кто-то – уже никогда.

Он не знал, что делать, и машинально пошел назад в здание Форума. Зайдя в холл, не обращая ни на кого внимания, подошел к окну и пустым взглядом уставился в темное небо, а за спиной все собирались в компании и бурно обсуждали, куда пойдут отмечать это событие. Лотар поймал себя на мысли, что нет ни злобы, ни ненависти, никаких эмоций, один лишь вакуум, одна лишь пустота.

– Лотар! – это был ее голос, и он резко повернулся, опустив глаза вниз, стараясь не смотреть на нее. А Лиона быстро продолжила:

– Молчи и не задавай вопросы. Я попытаюсь все объяснить, а дальше ты сам решаешь, кто я для тебя. Это мой жених, через год, когда ему будет 25 лет, мы поженимся. Раньше нельзя, он на службе. Я встретила его три года назад, и он очень помог мне и моей матери. Год назад я дала согласие на свадьбу и не могу ничего отменить. Лотар, если бы ты знал, как я ненавижу себя, что не сказала тебе об этом раньше. Но если вернуть эти два месяца назад, я бы поступила точно так же. Мне очень приятно было общаться и находиться рядом с тобой. Может, я делаю ошибку, но у меня нет выхода. Забудь меня, пожалуйста, забудь. У тебя все будет хорошо... мне надо бежать. Я сказала Рихарду, что кое-что забыла и через пять минут вернусь.

Он поднял глаза, и они встретились взглядами. Молча смотря друг на друга, еле сдерживали себя от проникающих в каждую клетку чувств. Это было невыносимо и чтобы не мучить никого, она развернулась и, не оглядываясь, пошла к выходу. «Забудь. Какое простое слово, но насколько сложное действие. А зачем вообще забывать, это были прекрасные моменты! Нет, Лиона, не дожدهшься, я тебя не забуду!» – уверенной поступью прошла эта мысль, и пустота исчезла.

– А вот и наш венгр! – Лотар услышал оклик и понял, что это по его душу. Все в их команде шутливо называли друг друга по табличкам с названиями стран, которые сопровождали на Олимпиаде.

– Швед, куда без тебя денешься!

– Пойдем праздновать, я научу Венгрию любить пиво!

Шумной веселой компанией они вышли на улицу и устремились в пивной ресторан. В этот вечер Лотар напился.

Глава 5. Вопросы и ответы

Руво пошевелился, и, представив, как он потянулся после сна, Логдэ улыбнулся.

– Я вижу, ты не спишь, – и Лотара снова передернуло, но уже не вызывая того страха, когда он первый раз услышал этот голос.

– Ладно, ты меня видишь в этой тьме. Это я могу понять. Но откуда ты знаешь немецкий? – спросил он и, шутя, продолжил, – У вас под землей репетиторы иностранных языков?

– Честно сказать, я думал, тебя будут волновать вопросы посерьезнее. Но если тебе так интересно, то я, конечно, расскажу, – и Руво повторил последнюю фразу на английском, русском, французском и испанском. – Мы понимаем, о чем воет волк, мы понимаем, о чем кричит ворон, мы даже понимаем, о чем молчит рыба. И ты удивляешься, откуда мы знаем ваш язык. В Европе, у вас только один язык. Все остальное – разновидности. Вы до сих пор не в состоянии понять собаку, а она с вами тысячи лет ходит вместе. Мы просто умнее вас, и с этим тебе надо будет согласиться.

– Но если вы настолько умнее нас, почему вы не летаете в космос, почему не создаете энергию?

– Нам этого не надо. Мы берем только то, что непосредственно требуется для существования.

– А вот нам, людям, надо. Мы стремимся к открытиям... – Лотар не договорил, так как Руво резко перебил его.

– Полет в космос, это не открытие, это вторжение на чужую территорию, куда вас не звали. Вы по своей, я скажу мягко, наивности, идете, куда вам показывают, а не куда вам надо. Вся проблема человечества в дисбалансе наличия серых клеток среди людей. Более изощренный ум начинает вести за собой менее здравомыслящих людей, составляющих подавляющее большинство. И когда это стадо с радостью уходит на бойню, это и есть победа развитого ума, а оружием является сказка, которую вы называете «пропаганда». Смотри, Лотар, самой умной игрой вы считаете шахматы. Объясни мне, в чем прелесть этой игры? Вся партия построена на уничтожении фигур соперника, и цель одна, это убить короля. Самое комическое здесь, когда происходит ничья. Один король стоит против другого, как и в начале игры, но уже без подданных, то есть произошла бессмысленная бойня. И ты считаешь, это разумно. Разумно, когда соперники согласятся на ничью, не сделав ни одного хода. А эталоном были бы шахматы, начинавшиеся с двух королей на поле и заканчивавшиеся, как я сказал тебе раньше, всеми фигурами на своих местах и соглашением на мировую.

– Но ведь не все согласны на ничью? Какая, к черту, может быть ничья, если коммунисты хотят захватить весь мир со своим Интернационалом? А это зло, и с ним надо бороться! – эмоционально высказался Лотар и чуть успокоившись, добавил. – Скажи мне, что опять ошибаюсь.

– Конечно, вы без этого не можете. Не существует коммунизма, монархии, капитализма, вашего национал-социализма. Есть только власть или ее отсутствие. Как ветер рождается из-за разности давлений в слоях атмосферы, и чем выше это различие, тем он сокрушительней, так и власть появляется, как я уже тебе сказал, из-за дисбаланса серых клеток среди людей. И как у ветра, чем выше эта разница, тем глобальней ущерб. Все должно быть сбалансировано.

– Руво, я так понимаю, ты говоришь о равенстве. Но это утопия. Люди настолько разные, что не могут быть равны.

– Ты меня не понял. Ни о каком равенстве я не говорю. Каждый должен получать по заслугам. У нас есть старейшины, но они не обладают властью, она им не нужна, они обладают мудростью. Они дают советы, а мы все вместе решаем, как ими пользоваться. Я уверен, тебе не нужна власть, и ты ее не хочешь. Объясни мне тогда, почему она нужна другим? Стремление

к власти это удел людей, пораженных неизлечимо завистью, а в этом смысле ты абсолютно здоров.

Лотар не знал, что ответить, и в образовавшейся тишине вдруг услышал едва заметный скрежет. Напрягая слух, он никак не мог понять природу этого звука. Руво также замолчал и спустя минуту удовлетворенно произнес:

– Ну, наконец-то. Это за мной. Ещё далеко, так что времени поболтать у нас предостаточно.

И в этот момент Лотару стало не по себе. Почему никто не спасает его? Неужели про него забыли? И, читая его мысли, дитя природы сказала:

– Тебя здесь никто не ищет. Ты сам бы искал себя в здании пустого склада под землей? Поверь, они не собираются его даже откапывать, но я помогу тебе, после того как выташат меня. А, как ты слышишь, за мной уже идут.

– Согласен, в это время мне нечего было здесь делать, но тогда у меня вопрос: а что привело тебя сюда?

– Любопытство... любопытство. Всё хотелось точно узнать, чем это закончится. Первый раз у них не получилось.

– Что это? – нервно спросил Лотар, его начинали бесить эти фразы-загадки. – Я догадываюсь, что это была диверсия. Ты её имеешь в виду?

– Скажу тебе даже больше. Эта спецоперация носила название «Ганнерсайд», по-вашему «Мелководье». Это длинная история и если ты захочешь, я расскажу тебе её позже.

– Откуда, ты это знаешь?

– Мы следим за вами, потому что вы склонны делать непоправимые вещи. Мало того, уничтожаете себя, это нас не сильно волнует, вы нехотя приносите беду и нам. А вот это уже тревожит, и поэтому нам приходится наблюдать за вами и по возможности мешать.

– Интересно, что вы можете такое сделать, чтобы помешать? Мне мало верится, что знание языка зверей сильнее наших технологий. Или я опять ошибаюсь? И у вас под землей целые заводы производят что-то сверхъестественное?

– Здесь ты прав. Заводов у нас нет. Все, что нам надо для существования, мы берем у вас.

– Так вы просто паразиты! Жить за счет других и при этом учить их жизни. Вот это ваша мудрость, Руво! – воскликнул Лотар, чувствуя в душе небольшую победу, и на ажиотаже продолжил. – Нет, я опять ошибаюсь, вы не паразиты, вы просто мелкие воришки!

– Иногда, может быть, мы и действуем как мелкие воришки. Но насчет жизни за счет других, ты не прав. Все ваши сооружения, города, заводы стоят как деревья, пустив корни в глубину земли. Что будет, если дерево оставить без корня? Оно упадет. Вот так стержни ваших городов вы сами дали нам в руки, и в любой момент, если мы решим, что так будет правильно, обрушить любые ваши строения не составит никакого труда. Согласись, слишком большая сила для паразитов.

– Ты тоже говоришь о разрушении. Так чем вы лучше нас? – почти переходя на крик, не мог успокоиться Лотар.

– Ты так и не понял. Мы не уничтожаем себе подобных, – спокойно ответил Руво, – вот главное отличие.

Они оба замолкли, и Логдэ, задумавшись, пытался найти несостоятельность в его утверждениях. Он неплохо знал историю Нового времени, и быстро пробежал по ней, вспоминая крупные военные конфликты. Ливонская, Англо-испанская, 30-летняя, Северная, хождение Наполеона по Европе, п-ое количество Русско-турецких и, в конце концов, Первая мировая. А потом ещё с десятков менее значительных войн. Лотар искал оправдание всем этим столкновениям, но не нашел ни одного действительно веского. Похоже, Руво прав, говоря о подавляющем количестве скудоумных людей. Недаром Отто фон Бисмарк сказал, что глупость – это дар божий, но нельзя им злоупотреблять. И его самого начали терзать сомнения по поводу.

Он никогда не считал себя глупцом. У всех кто знал Лотара, несмотря на различные отношения, не поворачивался язык даже в его отсутствие назвать недалеким. Но, по утверждениям Руво, он примкнул к стаду. И не только он. Ректор технической школы Эрнст Сторм с 1932 года был членом НСДАП. Вспомним и Вернера фон Брауна. Нет, эти люди не могут поддаваться на сказки и быть толпой, значит, дело в другом. Окунаясь дальше в эти размышления, Лотар понимал, что ответ не так уж близок. Всё равно сейчас ничего не изменить, война в разгаре, и нужно полностью отдать себя Родине. И на данный момент это будет правильно. Он не смог понять малого, что отрицание влияния пропаганды на себя, это первый признак, что она сработала, только более искусно. В руках мастера, коим являлся Йозеф Геббельс, даже умная пешка превращалась в обычную, не подозревая об этом. Вопросы возникали только с мудрыми пешками, но эта проблема решалась с помощью вывода их из шахматной композиции и замены простыми.

Руво прекрасно понимал дилемму в его голове и поэтому молчал, давая спокойствие его рассуждениям, выжидая, когда он задаст, очередной вопрос. Тишина продолжалась, и он, чувствуя, что Лотар не может найти ответа, решил перевести разговор на более позитивную тему:

– Ты не уснул? – шутя спросил Руво, естественно, зная ответ. – Некоторые вещи вы делаете, поверь, что мы завидуем. Я скажу больше, это небесно красиво.

– Да неужели, хотелось бы узнать по подробнее! – в Логдэ опять проснулось раздражение. Сосед начинал его нервировать, но он понимал, что не прав, и ничего не мог сделать со своим я. Всегда раздражает, когда из тебя делают примитивность. Но, с другой стороны, он знал, что только глупец считает себя умным. И лишь здравый рассудок может полагать, что он ещё ничего не знает. Всегда приятно смотреть, как дурачатся умные люди, и очень тоскливо, когда умничают дураки.

– Ваше искусство, например. Ты не поверишь, но я безумно люблю «Шутку» Баха, «Каприс» Паганини и, это само собой, «В пещере горного короля» Эдварда Грига.

– А как ты относишься к джазу?

– Никогда такого не слышал, – и, пропустив этот вопрос, продолжил, – если появлялась возможность, то я обязательно приходил в Норвежский национальный театр. Естественно, без билета. Когда начиналось действие и тушили свет, я поднимался снизу, спокойно становился за кулисы и слушал, слушал, слушал. А потом так же тихо возвращался. Был однажды забавный случай. На одном из представлений, если не ошибаюсь, «Победа во тьме» Лагерквиста, как всегда, занял свое излюбленное место в темном углу за кулисами и наслаждался игрой актеров. Закончился первый акт, началась подготовка декораций ко второму, и в этом движении меня никто не замечал. Я был похож на неприглядную тень, никому не нужную. Не знаю точно, что там случилось, но на сцене начал появляться дым. Прибежал пожарный с фонарем, пытаюсь отыскать очаг. Так интересно, вокруг была огромная суeta, и при этом тихо. Все перешептывались, чтоб не испугать зрителей. И вдруг пожарный резко развернул фонарь в мою сторону, полностью осветив меня. Мне ничего не оставалось, как застыть замертво, прикидываясь куклой. Не сильно присматриваясь ко мне, укротитель огня приказал, чтобы «этого страшного деревянного карлика» отнесли в сторону. Честно сказать, я обиделся, он тоже был далеко не красавец. Круглый, на коротких ногах, и этот шлем, который не налазил на его голову, смотрелся как железная чашка на глобусе. Двое актеров подбежали ко мне, взяв по бокам за прижатые руки, перенесли как дверь и поставили напротив метрах в пяти. Меня это начало веселить. В течение пары минут они справились с источником дыма, там начала тлеть какая-то мелочь, и вся труппа, выдохнув и успокоившись, вместе с пожарным молча стояла на сцене. И в этот момент я топнул ногой. Когда они посмотрели все в мою сторону, не понимая, откуда этот звук, я уже на их глазах стукнул по полу еще раз и походкой Чарли Чаплина пошел в их сторону. Ты не видел эти лица! Пройдя по сцене сквозь них, они расступались, я в полной тишине вышел за

кулисы и направился восвояси. Правда, на двери комнаты пожарного я не удержался и написал «Сам ты страшный деревянный карлик». Жаль, так и не глянул второй акт.

Смех Лотара начинал расти по ходу рассказа и, представляя эту картину, превращался в хохот. Он не мог остановиться, рисуя в своем воображении глупо удивленное лицо нагнувшегося пожарного, читающего несколько раз надпись на двери, сделанную на уровне живота.

– Да ты, шутник, – успокоившись, после глубокого вздоха, произнес Лотар. – И часто так веселимся?

– Это было как-то спонтанно. Мне после этого досталось. У нас не приветствуются открытые встречи с вами.

– Интересно, а какие приветствуются? – перебил Лотар и тут же извинился за бестактность.

– У нас не везде есть уши, и мы находим людей, которые могут добыть для нас что-нибудь интересное. Ты не представляешь, на какую низость способны многие из вас за пригоршню золотых монет. А у нас этого добра – горы. Вот с ними мы и встречаемся в темных глухих места. Я уже говорил, мы следим за вами.

– А если я, когда выберусь отсюда, расскажу о своей встрече и разговоре с тобой? – неуверенно спросил Логдэ. – Вы сделаете так, что я пропаду без вести?

– Ты не тот случай, потому что тебе никто не поверит. Все спишут на шок и галлюцинации. Уверен, ты даже сейчас не до конца веришь в происходящее. Вы не можете полностью принимать информацию без визуального контакта, а он как раз сейчас отсутствует.

И действительно, Лотар поймал себя на мысли, что, может, это просто игра его пассивного воображения. «Шутка», «Каприз», «В пещере горного короля», конечно, он знал все эти произведения, и мозг мог их достать у себя на полке, но «Победа во тьме» Лагерквиста была необъяснима. Он даже не знал такой пьесы, но не слышал и о таком авторе. Ему рассказывали, что достаточно беглого взгляда на предмет и это навсегда останется в памяти. Возможно, эту пьесу он видел на одной из многочисленных афиш в Берлине? Может быть. Но были сомнения. Лотар обладал хорошей зрительной памятью и считал, что однозначно запомнил бы эту фамилию. Он не знал о запрете изданий и постановок пьес этого шведа из-за его отрицательного отношения к Германии после Первой мировой войны. На афишах Берлина в то время Лагерквиста никогда не было. Также Руво сказал, как называлась спецоперация. «Ганнерсайд». Он точно не слышал этого слова. Значит, это не галлюцинации и напротив него в этой тьме действительно находится существо, зовущее себя Руво. Математический склад холодного ума и сильное логическое мышление мешали ему принять данную ситуацию как вполне реальную, но Логдэ мог рассмотреть происходящее и с другой стороны. Будучи физикохимиком, в отличие от математиков, он отлично знал, что два плюс два не всегда будет четыре. Все зависит от условий, в которых происходит сложение. В итоге может быть и ноль, а может быть и десять. Если в науке для него с условиями было все понятно (изменения температуры, давления) и их влияние на происходящие процессы, то здесь он не мог определиться. Но это не было причиной отрицать существование таких, как Руво. В конце концов, ему было приятно это общение, хоть иногда оно его и злило. Интерес побеждал, и Лотар задал следующий вопрос:

– Как я понял, вы не любите нашу науку, но цените наше искусство. А что еще мы делаем прекрасное в вашем понимании?

– Нет разницы между наукой и искусством. Это все ваша активность, а вот она уже различается. Либо созидание, либо уничтожение, ну и, вспоминая о дураках, просто бессмысленная. И здесь появляются, как ты видишь, между мной и тобой разногласия. То, что ты считаешь творением, я считаю разрушением. Задайся вопросом, что ты делаешь в Веморке? Я знаю, ты ответишь, что человечество стоит на пороге открытия великой энергии, а ты в этом процессе далеко не последнее звено и, вероятно, войдешь в историю.

– Ты прав, я именно так и ответил бы, но добавлю еще, понимая, к чему ты клонишь. Да, атомная энергия может принести смерть и уничтожение. И, скорей всего, принесет. Но сколько с ее помощью можно будет сделать полезного. Гораздо больше, чем плохого.

– Смотря, в чьи руки вы ее отдадите. Но дело не в этом. Зачем расщеплять атом, когда вокруг вас один сплошной клубок энергии? Солнце, ветер, вода и, в конце концов, ее величество гравитация. Но нет, вам надо разрушить атом. А могли бы просто поймать за хвост молнию и оседлать ее. И хватило бы на всё и всех. Только та энергия может быть чистой, которую дает природа вам просто так. Но..., чувствую, я тебя все равно не переубедил.

– Руво, давай каждый останется при своем мнении в этом вопросе, и поменяем тему. Мне так понравилась твоя история о театре, что очень хочется узнать, где ты еще был. Например, видел ли ты Эйфелеву башню? Я шучу.

– Видел, и я не шучу.

– Но как ты попал в Париж?

– Вот это, кстати, вообще не проблема. Спрятаться в трюме корабля и доплыть хоть до Америки, нет ничего проще. А потом залезть в почтовый вагон и доехать куда угодно, где есть рельсы.

– Всегда мечтал увидеть это творение Эйфеля не на картинках. Никогда не понимал людей, которые считают эту башню уродливой.

– В какой-то мере, Лотар, я с ними согласен. Люблю сооружения из камня или дерева, потому что в них есть жизнь, а железо мертво, и от него веет холодом, поэтому Эйфелева башня для меня это просто большая железяка. Обычный одноэтажный каменный домик нравится мне больше, чем любая стальная конструкция. Согласись, железо не вписывается в картину рядом с морем, лесом или горами. Природа его как бы отторгает. Как прекрасна каравелла в лучах заката на волнах океана и как уродлив танкер в том же свете.

Задумавшись, Лотар соглашался с его доводами. Может, действительно Эйфелеву башню лучше смотреть на картинках? Он хотел возразить, что по свойствам железо намного практичнее камня и тем более дерева, но осекся, вспомнив пирамиды, Великую китайскую стену и амфитеатр, которые выдержали натиск тысячелетий. А вид железного хопеша⁴, который он увидел в Новом музее, не производил впечатление хорошо сохранившегося, несмотря на весь уход за ним. Вода и воздух дарят человеку жизнь, а у железа, наоборот, забирают. Интересно получается.

– А что ты думаешь насчет стекла?

– Стекло – замечательный материал. И вы умеете с ним красиво работать. Чего стоят витражи Эмануэля Вигеланда здесь, в Осло, в Кафедральном соборе. Тончайшая работа. А теперь вы из него делаете крышу для зимних садов, значит, в будущем будут и стеклянные дома, и стеклянные мосты. Ты только представь себе мост, но не из обычного бесцветного стекла, а из переливающегося всеми красками витража. Как он сказочно будет играть на солнце! Мне кажется, что, наступив на такой мост в яркий день, можно почувствовать себя в другом, очень прекрасном мире на пути в Асгард.

– Да ты романтик, Руво!

– Нам не чуждо ничто человеческое, в конце концов, мы тоже люди, но только сильно отличаемся от вас....

Он затих, немного расстроившись, что не получилось вывести Лотара на разговор о религии, несмотря на тонкий намек о Кафедральном соборе и Асгарде. Ему очень хотелось поговорить на эту тему. Логдэ ему нравился, как нравится учителю, в хорошем смысле, дотошный ученик с пытливым умом.

⁴ Хопеш – древнеегипетский ятаган.

– А что ты делал в соборе? Уверен, у вас другие боги, – Лотар не видел, как, довольный собой, улыбнулся Руво.

– И какие они, по твоему мнению?

– Я не знаю, к какой религии близок ваш народ. Христианство? А может, ислам? Или буддизм?

– Если это тебя так интересует, я, конечно, отвечу, – слукавил он. Ему самому очень хотелось провести лекцию на эту тему.

– Занятно было бы узнать, каким богам вы молитесь.

– Я не заставлю тебя ждать. Смотри, до нашей эры вы уже знали, что есть Индийский океан. Спустя пятьсот лет – Атлантический. А через 15 веков были в курсе насчет Тихого океана. Но на то, чтобы понять, что это одно целое, у вас ушло еще четыре века. И вот только недавно в 1917 году русский географ Юлий Шокальский объединил их и назвал «Мировой океан».

– Руво, я никогда об этом не слышал. Откуда ты все это знаешь? – искренне удивился Лотар.

– Чтобы перечитать небольшую городскую библиотеку, у меня уйдет около года. Больше времени теряется, чтобы взять, а потом вернуть книгу на место. Как ты там сказал, «мелкие воришки»? Но по-другому не получается. Не сбивай меня. И вот люди наконец-то дошли до того, что прекрасно понимают акулы: вода одинаковая, и океан один. Просто где-то теплее, а где-то холоднее. Развитие религий, я буду говорить о буддизме, христианстве и исламе, поскольку ты назвал их, началось просто с веры в себя, никаких богов. Ты понял, я говорю о буддизме. Но если каждый верит в себя, то этих людей практически нельзя подчинить, кроме как силой. Это порождает обратную реакцию, и никто не знает, чем это столкновение закончится. Поэтому некто, большой властью, решил подчинить себе людей с помощью богов. Человек начинал верить в бога, а этот некто стал посредником и, соответственно, обзавелся властью над верующими, говоря им, что только бог делает человека сильнее. Но как можно стать сильнее, перестав верить в себя? Многие это начали понимать и решились на отречение. И вот тут становится интересно. В буддизме нет отречения от бога, поскольку он отсутствует, точнее, оно носит другой характер, это уход от мирской суеты. В христианстве тебе скажут, что ты волен уйти, но это ничего не решает, так как на тебе стоит «неизгладимая печать». То есть мягко намекнут, что власть над тобой остается. А вот ислам, который моложе, пошел дальше христианства, и за отречение тебя ждет смерть. Это апогей власти. Но теперь вернемся к акулам. Представь эти три религии как три океана, а вода – это их устав, состоящий из заповедей и грехов, что в принципе одно и то же. Я не спорю, там написаны важные, мудрые вещи, и, заметь, они одинаковы в самом основании, как вода у берегов Индии и Кубы. Ну что, продолжишь мою мысль?

– Конечно, я понял, к чему ты ведешь. Создание единой мировой религии на базе основных заветов без права властвовать над человеком. Твои суждения пересекаются с мыслями Ницше.

– В этом нет ничего удивительного. Фридрих был мудрый человек. Мой дедушка любил с ним общаться, – и, чувствуя, как напрягся Лотар, Руво с улыбкой добавил, – это была шутка, успокойся. И теперь вопрос. Через сколько веков вы дойдете до этого?

– А ты уверен, что это правильный путь?

– Я скажу больше, он единственный верный.

– И, наверно, ты уже знаешь, как она будет называться?

– Не поверишь. Но я об этом никогда не задумывался, а сейчас как раз тот момент.

Наступила тишина, и Лотару было очень интересно, до чего же додумается Руво. Вдруг он обнаружил, что исчез скрежет за стеной. «Видно, все ушли на сиесту. В конце концов, они тоже люди», – про себя улыбнулся он. Казалось, что Руво уснул, и он решил не окликать его, а дать

возможность самому немного поспать. Логдэ даже не заметил, как забыл о ране и застывшей крови на волосах после удара камня. Да, в этот день на голову была большая нагрузка, как извне, так и внутри. Его глаза начали закрываться под тяжестью усталости и темноты.

– Не спать! Я придумал!

– Ну, говори, потому что я уже очень хочу вздремнуть, – тихим голосом ответил Лотар, скрывая зевоту.

– Потерпи еще немного. Время нашего общения подходит к концу, а ты еще не задал самый важный для тебя вопрос... А теперь о мировой религии. Вот что я придумал. Пальцы рук, держащие хрустальный шар, очень напоминают меридианы, обхватывающие землю. Длина меридиана везде одинакова, как и будет единая религия для любой точки земли. Меридиан обозначает «полуденный», то есть солнце в зените, высшая точка. Поэтому новая неделимая мировая религия вполне обоснованно может носить название – Меридианство. Как тебе, такое имя?

– В принципе, не вижу ни одного против, – произнес Логдэ, а сон побеждал, и он ничего не мог с этим сделать, – Руво, я буду засыпать. А тебе, наверное, не хочется? Ты же недавно спал.

– Из-за нехватки кислорода здесь, под землей, мы спим очень часто, стараясь не тратить его попусту. Поэтому мы стали маленькими, чтобы организму его хватало. Но ты должен и сам это прекрасно знать.

– Я физикохимик, а не биолог. Спокойной ночи.

– Лучше бы ты был биологом, – ответил тихо с грустью Руво, но Лотар уже отключился и не слышал его.

Глава 6. Весна в Берлине (продолжение)

Лиона подошла, и он не мог пошевелиться. Насколько эта встреча была для него долгожданной, ровно настолько она стала неожиданной. С какой легкостью он проделал путь от Высшей школы до озера, а теперь не мог пройти и пару метров навстречу ей. В горле все пересохло, не оставив и намека на выпитый недавно широкий стакан эля, и только глаза выдавали весь спектр чувств, светившихся у него внутри. Она внимательно посмотрела на него и весело пропела:

– Я не привидение, Лооотар! Выглядишь отлично!

Он прекрасно понимал, что выглядит по-идиотски, но ничего не мог с собой поделать и продолжал молчать. Она помахала рукой перед его глазами и улыбнулась.

– Хорошо, я привидение. И это привидение хочет знать, что у нас в папке.

Наконец-то это глупое оцепенение прошло, и Лотар, сделав большой глоток чистого воздуха, раскрыл папку, доставая оттуда диплом бакалавра.

– Лиона, ты не поверишь, но я получил его два часа назад. Сегодня особенный день во всех смыслах.

Он протянул диплом и заметил, что на безымянном пальце её левой руки не было обручального кольца. Вначале он не поверил себе, думая, что показалось, снова бросив взгляд на ее пальцы. Она поймала его взор и тихо сказала:

– Пойдем на лавочку, где я сидела, поболтаем. Я думаю, нам есть о чем поговорить. Или ты спешишь?

– Я свободен был до этой минуты, а теперь полностью в твоих руках, привидение, – ответил с улыбкой Лотар, и они направились к скамейке под тихий плеск воды озера Нойер. Присев, Лиона с интересом начала разглядывать диплом и как бы между прочим тихо сказала:

– Рихарда убили в Польше в ноябре 39-го местные партизаны. К этому времени он уже был оберштурмфюрером СС. Они выследили его, когда он ночью возвращался с задания в комендатуру, и двумя выстрелами сзади не оставили ему никакого шанса. Так мне рассказал его сослуживец, но, честно сказать, я верю в это с трудом. Мне кажется, все было по-другому. За два года замужества я узнала его очень хорошо.

– Мои сочувствия, Лиона, – проговорил Лотар, но она быстро перебила его.

– Не стоит. Может, это будет выглядеть неправильно, но перед тобой я не хочу играть роль несчастной безутешной молодой вдовы. До свадьбы он был совершенно другим человеком, но все резко изменилось, когда получил звание унтерштурмфюрера СС. Рихарду казалось, что он схватил судьбу за горло. Появился новый круг общения, и, поверь, как мне было противно сидеть с ними за одним столом у нас дома, когда он приводил их в гости, угощая шнапсом. Слушать постоянно пьяные разговоры о том, что только они способны поднять Германию, а люди не больше чем инструмент, который, если они захотят, можно выкинуть на свалку. Честно, мне было страшно. И в один момент я сказала об этом Рихарду. Сколько было крику о том, что он сделал для меня, как вытащил из убогости, какая я ничего не понимающая дура, а они – элита Третьего рейха, и живу только благодаря ему. И все это приходилось держать в себе. Мама умерла через два месяца после свадьбы, и мне просто не с кем было поговорить.

– Лиона, неужели ничего нельзя было сделать?

– Что я могла, оставшись абсолютно одна? Это было как замкнутый круг. Сколько раз я думала, что сказал бы мне отец. Он никогда не представил бы, что я сдалась. А я сдалась. Во мне стала жить такая апатия. Уже не обращала никакого внимания на его походы с друзьями в бордель. Он даже не пытался это скрывать от меня. Дальше стало еще хуже. После так называемой «хрустальной ночи» он приехал домой на грузовой машине и, довольный собой, сказал, что мы переезжаем в новую квартиру на Регенсбургер Штрассе. Я не спорю, это была очень

хорошая квартира, о которой можно только мечтать, и не спрашивала, откуда она появилась, но чувствовала что-то нехорошее. Вскоре я узнала, что здесь жила еврейская семья. А в ту холодную ноябрьскую ночь мой муж вместе с друзьями из СА прямо из постели вывел их на улицу вместе с детьми. У них было две девочки, шесть и десять лет. Посадили в кузов грузовика и увезли неизвестно куда. Как позже рассказывали соседи, все это время они молчали, даже дети. А потом, как выпьет, таскал меня по комнатам и кричал, что это все для меня. Как я хотела в эти моменты его заколоть. Представь, Лотар, как мне живется в этой квартире. Я сейчас сдаю две комнаты, и мне этого хватает, даже больше. Но чувство, что я тоже причастна к этому, не покидает. Поэтому, я не верю, что он возвращался с задания. Скорей всего, той ночью он шел пьяный от какой-то девицы. Ладно, хватит о плохом. Расскажи, что у тебя?

Логдэ было сложно переключиться на другую тему после услышанного.

– Сорняки растут в каждом огороде. Но почему он достался именно тебе? Как жаль, что нельзя вернуть время обратно.

– Если бы мы могли всё делать дважды, то всё обстояло бы намного лучше, – ответила Лиона пословицей и повторила вопрос. – А как там у тебя?

И он поведал, как все эти четыре года постигал волшебный мир химических реакций. До каких высот дошла наука и что человечество стоит на пороге величайших открытий. Старался как можно реже произносить научные термины, но получалось у него это с трудом. Слов из песни не выкинешь. Моментами Лиона вообще не понимала, о чем он говорит, но ей очень нравилось, с какой легкостью Лотар выдавал эти сложные названия. Она с большим интересом слушала его, вглядываясь в глаза, полные жизни. Как же по-разному прошли эти четыре года у них. Она столкнулась с грязью, низменностью, предательством и постоянными упреками. Иногда ей казалось, что другая жизнь со сбывающимися мечтами и просто спокойствием бывает только в книгах, читая которые, она пыталась сбросить с себя этот груз. А сейчас чувствовала, что Лотар, словно теплый южный ветер, приподняв штору, ворвался в ее пространство, принес с собой новые запахи и свежесть. Ей хотелось его слушать и слушать. Единственное, что она не могла понять, как он изменился. Она ощущала, что в нем произошли перемены, но объяснить их не могла. Наверное, он просто возмужал.

Лиона посмотрела на часы и с нотками извинения тихо сказала:

– Мне надо идти. Я обещала квартирантке присмотреть за ребенком. Здесь недалеко. Не надо меня провожать. Просто в их глазах я молодая безутешная вдова. Они ничего не знают, а я не хочу им что-то объяснять. Не обижайся. Я надеюсь, ты понимаешь.

Он не успел задать вопрос, как она, продолжив, сразу ответила на него:

– Последнее время я каждый день около двенадцати прихожу на это место. Мне здесь очень нравится. Завтра мы можем увидеться.

– Конечно, Лиона, я обязательно подойду.

В который раз в своей жизни он провожал ее взглядом, но впервые знал точно, что завтра они встретятся, и им никто не будет мешать.

Лотар вернулся в пивной сад и взял себе еще эля. Размышляя о том, какую силу над людьми имеет господин Случай и как он благодарен ему за сегодняшнюю встречу, не заметив опустошил стакан, попросив официантку принести еще. Легкий хмель приятно обострял положительные эмоции, а природа и обстановка вокруг заставляли просто быть счастливым. К соседнему столику подошла семья, и мальчик лет семи, подняв руки вверх и раскачиваясь, грозным голосом спрашивал у отца, похож ли он на медведя. Конечно, как же он сам не догадался. Завтра они посетят это царство животных. Лотар не преувеличивал. Берлин мог легко похвастаться своим зоосадам перед любой столицей мира. Если и был человек, способный создать рай для диких животных, то это Генрих Бодинус. Став в 1869 году директором зоопарка, за почти двадцать лет он провел впечатляющие преобразования. В каждом его детище чувствовалось, с какой любовью он относился к живой природе. Многим казалось, что звери,

будь то хищники или травоядные, принимали его за своего. Оно и понятно. Любое живое существо ощущает любовь к себе и отвечает тем же. А некоторые считали, что его любят даже камни. Ту экзотику, в которую он погрузил атмосферу зоопарка, очень сложно передать словами, её надо было лицезреть.

Проведя еще немного времени в кафе, слушая восторженный голос мальчика за соседним столом, он не спеша встал и направился в сторону зоосада. Обойдя озеро Нойер и купив два билета, счастливый возвратился домой. Лотар жил по северную сторону Тиргартена, а Лиона, как оказалось, с южной. Классический пример. Два любящих сердца, и по разные берега. Только воды холодной реки в этой истории заменял уютный зеленый лес, дыханием которого наслаждался весь Берлин. «Я сделаю всё, чтобы завтра эти четыре года для Лионы начали превращаться в обычный неприятный сон, который со временем уходит из памяти», – думал Лотар, поудобнее пристраиваясь на подушку. Он не догадывался, что первый шаг сделан был уже сегодня, и за последнее время Лиона впервые уснула с улыбкой на лице.

Логдэ проснулся около семи утра, и стрелки на часах, как бы издеваясь, передвигались не быстрее улитки. Берлин пробуждался и оживал, показывая, что время продолжает свой ход и полдень не за горами. Чтобы убить время (дома это не получалось), он решил прогуляться к Бранденбургским воротам. Затем, обойдя Тиргартен с востока и далее с юга, направился к озеру Нойер. Как и вчера, погода не могла не радовать своей теплотой. Лотар подошел к лавочке и взглянул на часы. Было двадцать минут двенадцатого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.